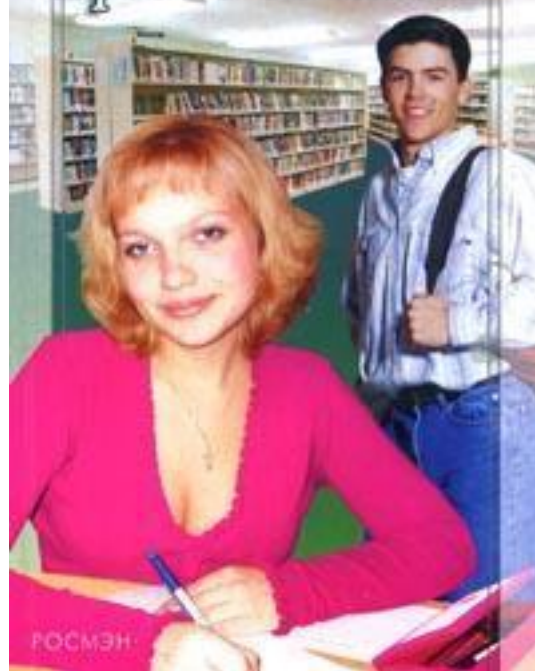

Первый роман

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Просто он такой

Первый роман

Вера и Марина Воробей

Просто он такой

«РОСМЭН»

Воробей В.

Просто он такой / В. Воробей — «Росмэн», — (Первый роман)

Зоя Колесниченко влюблена в Вадика Фишкина, который вроде бы отвечает ей взаимностью. Но девушку не покидает странное ощущение, что в их отношениях что-то не так. Зоя рассказывает о своих сомнениях Черепашке, и та советует ей вызвать у Фишкина ревность – тогда все станет ясно. А в качестве объекта для ревности Черепашка предлагает использовать своего нового парня, который ради нее готов на все.

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	8
3	9
4	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Вера и Марина Воробей

Просто он такой

1

В первую секунду, увидев в дверях палаты маму, Вадим даже немного растерялся. Нет, он, конечно, знал, что мама приедет за ним, но почему-то был уверен, что первой появится Зоя. А вдруг она придет, когда они уже уедут? Что, если она просто опаздывает? Стоп! А он сказал, в котором часу его выписывают? Ну конечно. Выписывают-то до часу дня, и он говорил об этом Зое. Нет, она не обещала, что непременно приедет, но по ее взгляду Вадим с радостью понял, что так и будет обязательно. И, прощаясь с ним накануне вечером, Зоя обернулась в дверях и сказала: «До завтра». Поэтому сейчас он не то чтобы не обрадовался маминому приходу, но ощутил болезненное разочарование от того, что это не Зоя. Только в этот момент, когда стало ясно, что она не придет, он отчетливо понял, с каким нетерпением ждал девушку.

– Привет! Ты? – Вадим сделал над собой усилие, чтобы скрыть разочарование, и изобразил на лице некое подобие радости.

– А ты что, кого-то другого ждал? – пошутила Татьяна Васильевна, даже не подозревая, что попала в самую точку.

– Глупости, – беззлобно огрызнулся Вадим.

– Ты почему вещи не собрал? – возмутилась мама. – Даже чашка не вымыта, и книжки на кровати... Приемник не забудь, вон на подоконнике стоит.

Молча Вадим принялся укладывать свои вещи в рюкзак. Их было не так много, поэтому через пять минут Вадим стоял в полной готовности.

– Ну что, двинули? – посмотрел он на маму. – Слушай, тебе ведь за выпиской еще к врачу подойти надо, – с надеждой проговорил Вадим.

Ему казалось, что Зоя должна появиться с минуты на минуту.

– Я уже говорила с врачом. – Татьяна Васильевна забрала у сына рюкзак. – И все, что нужно, взяла. Кстати, Борис Станиславович сказал, что тебе еще как минимум две недели нельзя будет ходить в школу.

– Мам, но ведь экзамены на носу! – возмутился парень. – Как же я буду их сдавать? И так почти месяц пропустил!

– Что-нибудь придумаем, – неопределенно ответила Татьяна Васильевна и погладила сына по голове. – Но если врач сказал сидеть дома, значит, надо сидеть.

– А университет? – Резко дернув головой, Вадим увернулся от маминой руки. – Ты же знаешь, какой конкурс на психологию!

– Если не будет здоровья, никакая психология не понадобится, – мудро ответила мама и решительно шагнула к двери.

* * *

Переступив наконец порог своей квартиры, Вадим блаженно вздохнул и втянул носом воздух, вдыхая запахи домашнего уюта, как бы заново знакомясь с отчим домом. Он и не думал, что можно так соскучиться по родным стенам. Казалось, он не был здесь целую вечность.

– Да, совсем забыла! – услышал он из кухни голос мамы. – Тебе сегодня утром какая-то девушка звонила.

– А имя у нее имелось? – Вадим подошел к маме и уже протянул было руку за печеньем, но Татьяна Васильевна звонко шлепнула его по руке.

– Наверняка! Но она, видимо, пожелала остаться неизвестной. А ну-ка быстро в ванную! И мой как следует, с мылом!

– А какой у нее был голос, мам? – выкрикнул Вадим из ванной, стараясь перекрыть шум льющейся из крана воды.

– Обычный... – В голосе Татьяны Васильевны сквозило легкое удивление. – Приятный, вежливый, немного взволнованный, как мне показалось...

«Колесниченко. Точно она. Может, что-то случилось? А вдруг она сейчас в больнице, а меня там уже нет... – думал Вадим, отыскивая в блокноте номер мобильного телефона Зои. – А может, лучше сначала на городской позвонить? Да что за фигня? Блин, и чего это я вообще так разволновался?! – удивлялся сам себе Фишкин. – Подумаешь, какая-то Колесниченко позвонила. Ну, допустим, она хорошая девушка, допустим, добрая, очень даже добрая, какая-то нереально добрая, душа-человек. И что теперь?»

Зоя Колесниченко была единственным человеком из класса, который навещал Вадика в больнице. Остальные, услышав первоначальный диагноз – туберкулез, – просто элементарно испугались. Потом этот страшный диагноз, к счастью, не подтвердился, но то ли велик был страх заразиться, то ли у ребят всякий раз находились дела поважней, но так или иначе, никто, кроме мамы и Зои Колесниченко, в больнице Фишкина не навещал.

И в общем-то ничего экстраординарного в этой ситуации не наблюдалось, если бы не одно «но».

Зоя Колесниченко, тихая и неприметная, застенчивая до смешного, была безнадежно влюблена в ироничного, самоуверенного Вадика Фишкина. Причем ее слепая любовь приобрела такую силу, что Зоя, не в состоянии скрывать свои чувства, выплеснула их в стихах, которые и преподнесла своему избраннику в подарок. Но Фишкин поступил с девушкой жестоко, если не сказать подло, обнародовав в классе признание Зои.

Сейчас он чувствовал свою огромную вину перед ней. Зоя простила Вадима, хотя он искренне считал, что не достоин ее прощения, понимал, что она должна презирать его... Чувство вины еще и потому по-прежнему терзало сердце Вадима, что он никак не мог разобраться в самом себе, в своих теперешних чувствах к Зое.

Поразмыслив, Фишкин все же решил позвонить Зое сам.

– Алло! – услышал он знакомый, всегда немного взволнованный голос.

– Привет, Зой, это Вадим.

– Я узнала. Ты уже дома? Я хотела...

– Мама сказала, что мне кто-то звонил, – торопливо перебил он. – Я подумал, что это ты...

– Да, я хотела поехать к тебе в больницу, – зачем-то призналась Зоя, хотя пять минут назад дала себе слово не говорить об этом Фишкину, если только он сам не спросит. – А тут, понимаешь, бабушка вызвала телемастера, а сама уехала, – будто бы оправдывалась девушка, – вот я и не смогла из дома выйти...

– Все нормально, – с напускным безразличием ответил Фишкин. – Я тебя и не ждал, – зачем-то соврал он. Последовала пауза. Вадим даже подумал, что связь оборвалась, поэтому дунул в трубку: – Алло, Зой! Ты где?

– Здесь, – услышал он тихий голос. – Я очень рада, что ты выздоровел.

– Я тоже, – совсем нерадостным голосом протянул Фишкин. – Выписать-то меня выписали, но в школу ходить запретили. Прикинь! Две недели как минимум.

Почему-то ему захотелось именно с Зоей поделиться своей проблемой, именно ей рассказать обо всем, а в ответ услышать слова сочувствия, поддержки. Он был уверен, что если

и есть на свете человек, кроме мамы, естественно, который его проблемы воспринимает, как свои собственные, то человека этого зовут Зоя Колесниченко.

– Блин, если так дело пойдет, – продолжал Вадим, – я вообще на второй год в одиннадцатом классе могу остаться.

– Не останешься, – со странной ожесточенностью в голосе заявила Зоя.

И поскольку Вадим решительно не знал, как реагировать на ее слова, возникла пауза.

Ее нарушила сама Зоя.

– Я сегодня же напишу план наших занятий. Догонять придется много, поэтому график будет жесткий, – по-деловому, строго заговорила вдруг девушка. – Ты же, считай, целый месяц пропустил... Но это ничего. Я буду приходить к тебе после уроков каждый день, и к тому моменту, когда тебе разрешат приступить к занятиям, ты будешь подготовлен по всем предметам. Если, конечно... – Она резко сменила тон и повторила как-то нерешительно и даже робко: – Если, конечно, ты согласишься.

«Ну вот, – подумал Фишкин, – попал».

А вслух сказал, стараясь придать своему голосу максимум теплоты и благодарности:

– Спасибо тебе большое. Мне даже неловко как-то так тебя напрягать...

– Ерунда, – сказала Зоя. – Значит, завтра же и начнем.

«Некого винить, – ругал себя Вадим, распрощавшись с одноклассницей. – Сам напросился. Конечно, мне необходима помощь, но если все узнают, что Колесниченко ходит ко мне каждый день, что тогда начнется? Представить страшно!» – мысленно сокрушался он. От его прежнего благодушного, почти романтического настроения относительно Зои не осталось и следа. Улетучились и бывшие угрызения совести. Теперь в собственных глазах Вадим представлял в роли жертвы, ловко пойманной в сети коварной и хитрой Колесниченко.

«Начнут слухи распускать, подумают еще, что мы встречаемся... Ну и черт с ними! – принял непростое решение Фишкин. – По-любому это лучше, чем оставаться на второй год. А слухи и сплетни... Они, конечно, пойдут, тут и думать нечего, но я найду способ поставить все на свои места. И вообще, надо решать проблемы по мере их поступления».

Зоя была по-настоящему счастлива. За то время, пока Вадим лежал в больнице, она так привыкла видеть его каждый день, общаться с ним по душам, разговаривать обо всем на свете, что порой даже ругала себя за нехорошие мысли. Часто она ловила себя на том, что не хочет, чтобы Вадима выписывали из больницы. Зоя боялась, что, когда он выздоровеет, их отношения войдут в прежнее русло. А попросту говоря, она снова превратится для Вадима в пустое место. Но теперь, теперь-то уж точно этого не произойдет. Хотя он, кажется, немного растерялся, когда она предложила ему свою помощь. Но ведь и для нее самой ситуация явилась полной неожиданностью. Впрочем, какая уж тут неожиданность? Зоя и раньше, когда Вадима еще только положили в больницу, не раз задумывалась над тем, что ему будет сложно самостоятельно учить весь пропущенный материал. Задумывалась и втайне надеялась, что, когда придет время, он сам обратится к ней с просьбой помочь. А получилось иначе. Получилось, что она опередила Вадима, о чем совершенно не сожалела.

«Ну и что с того? Так даже лучше. Зачем заставлять человека о чем-то просить тебя, когда можешь первым протянуть ему руку помощи?»

Так думала Зоя Колесниченко, приступая к составлению плана занятий. Начать она решила с самого, на ее взгляд, сложного – с физики и химии.

2

Звонок в дверь застал Фишкина за абсолютным ничегонеделанием. Вернее, за совершенно праздным времяпрепровождением. Вернувшись в родные пенаты, он обнаружил, что жутко соскучился по любимой музыке, по телевизору, поэтому при первой же возможности врубил на всю катушку «ящик» и с удовольствием смотрел, блаженно растянувшись на диване, даже навязшую на зубах рекламу.

После разговора с Зоей в душе Фишкина остался осадок, и сейчас ему очень хотелось от него избавиться, дабы совсем ничего не омрачало его первый долгожданный день дома. Но вопреки его желанию в голове вертелись мысли о Зое, о ее предложении взять над ним шефство и о тех последствиях, к которым это шефство могло привести.

«Почему я должен все время кому-то что-то доказывать? – нервно размышлял Фишкин, беспокойно ворочаясь на своем диване. – То Тополян пытался убедить, что пялюсь на Зойку не из нежных чувств, а потому, что рисую ее по памяти! А теперь нужно не только Тополян, но и весь класс утвердить в мысли, что между нами абсолютно деловые отношения, что Зойка просто занимается со мной уроками и ничего больше! Да и то лишь потому, что она сама этого захотела, а я... ну, просто сделал ей одолжение и согласился!»

Да уж, эта головная боль Фишкину была совсем ни к чему. С одной стороны, он никак не мог допустить, чтобы в классе стало известно о его трогательных отношениях с Колесниченко, а с другой – резко оттолкнуть от себя Зою, отвергнуть раз и навсегда ее бескорыстную заботу о его персоне и поставить жирную точку в их уже почти что дружбе он тоже не мог. Не настолько же он подл, в конце концов! Да и если быть до конца честным, он ведь действительно испытывает к Зое самые положительные чувства.

Например, благодарность за то, что она здорово скрасила его долгое и тяжелое пребывание в больнице. И даже восхищение ее мужеством – ведь она знала, что может тоже заболеть, но все-таки приходила. И еще ему с Зоей было на удивление легко и весело, да что там, просто здорово! Фишкин невольно улыбнулся, вспомнив, как она почти каждый день притаскивала к нему в палату своего роскошного кота Чака, пронося его мимо дежурной медсестры в специальном рюкзаке.

3

Бросив трубку, Зоя закрыла лицо руками и горько разрыдалась. Как мог Вадим так с ней поступить? Когда он находился в больнице, все было так здорово, что иной раз происходящее казалось Зое чем-то нереальным, каким-то волшебным сном. Между ней и Вадимом все яснее обозначалась невидимая нить, связывающая их в одно целое, и с каждым днем эта нить становилась все прочнее и прочнее.

А теперь выходило, что Зоины опасения, охватившие ее после выписки Вадима из больницы, подтверждались. Случилось то, чего Зоя боялась больше всего и мысли о чем она так усердно гнала от себя прочь. Как она боялась того, что снова станет для Фишкина пустым местом, что снова ей придется лишь ловить на уроках его мимолетный, убийственно равнодушный взгляд!

И вот пожалуйста, стоило Вадиму вернуться в свою привычную жизнь, лишенную каждодневной Зоиной опеки, как он моментально позабыл все то хорошее и доброе, что связывало его с Зоей. Такие вот грустные мысли терзали ее и не давали покоя, ранив в самое сердце.

«Выходит, я ему не нравлюсь ни капельки, значит, он просто использовал меня, когда ему это было нужно? А теперь, когда все закончилось благополучно, я ему стала без надобности? И он отчаянно трусит, что кто-нибудь из класса узнает о нашей дружбе? Но почему? Такое впечатление, что дружба со мной – это что-то постыдное и недостойное!» – горестно недоумевала Зоя и никак не могла принять это печальное открытие, смириться с ним.

Ее красавец кот по кличке Чак будто почувствовал, что хозяйке плохо. Он неслышно подошел к Зое, прыгнув к ней на колени, замурлыкал и стал тыкаться мокрым холодным носом прямо в щеку, словно хотел утешить. Зоя зарылась лицом в густую мягкую шерсть своего любимца. Ей казалось, что в обнимку с Чаком все неприятности и обиды переносятся легче и боль уходит быстрее. А может, так оно и было на самом деле?

Немного успокоившись, Зоя стала рассуждать более здраво:

«А что, собственно говоря, произошло непоправимого? Ну да, нагрубил! Так из-за Ермолаева нагрубил. И не то чтобы даже нагрубил, а произнес мое имя так, как будто говорил о каком-то смертельно надоевшем

4

Кое-как отделившись от настырного Ермолаева, Фишкин дал волю угрызениям совести. Не то чтобы она, совесть, уж очень нестерпимо его грызла, нет. Но неприятный осадок в душе Вадима от разговора с Зоей все же остался, омрачая его спокойное существование.

«Зря я так с ней, – укорял себя Фишкин. – Кто я после этого, если не предатель? Ведь ничего плохого Зойка мне не сделала, а, наоборот, только хорошее! И помощь, как ни крути, мне нужна. Сам я никогда не осилю ни алгебру, ни физику. А вот взял и струсил, смалодушничал, как последняя сволочь!»

Еще вчера, когда Зоя только предложила помощь, а он скрепя сердце согласился, Фишкин принял трудное для себя решение пресечь все сплетни, намеки и нездоровое любопытство одноклассников. Но одно дело решение принять, совсем другое – следовать ему в жизни...

Как? Как он собирается пресечь разговоры? Заклеить всем рты скотчем? И в конце концов, ему надоело выкручиваться и врать, скрывая свое истинное отношение к Колесниченко! Ведь он совсем не так к ней относится на самом деле, как старается показать в классе.

Вадим припомнил те уютные вечера, проведенные в ненавистой больнице в обществе Зои и ее чудесного кота Чака, который почему-то предпочитал спать на коленях не у хозяйки, а у него, Вадима. Прикольно тогда было, что и говорить! И время летело весело и незаметно, и скучно им не было, а болтали сколько! Обо всем на свете, практически на любые темы! Фишкин вспомнил, с каким нетерпением он каждый день ждал Зоиноного прихода, как переживал: а вдруг не придет? Вдруг сегодня что-то ей помешает прийти к нему... Ведь ждал же, ведь скучал! В этом-то ему хватало духу признаться хотя бы самому себе!

«Почему бы мне не поставить их всех перед свершившимся, так сказать, фактом? Дружим, мол, с Колесниченко, и никого это не касается! Ермол, естественно, тут же фразу свою любимую ввернет. И где он ее только подцепил: „Дружите? Это как? Старушек через дорогу вместе переводите?“ „Да, переводим! – расхрабрился Вадим, мысленно парируя ехидному Ермолаеву. – Стоим возле перекрестка и ждем, когда очередная старушка на горизонте появится!“ Почему я должен, в конце концов, отчитываться перед кем-то? С какой стати, блин? – накручивал себя Фишкин, нервно расхаживая по комнате –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.